

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 15 (2330).

Суббота, 12 апреля 1947 г.

Цена 50 коп.

ПАТРИОТИЗМ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Любовь к отечеству — мечта о его будущем величии! Она вдохновляла гениальных русских мыслителей, писателей, художников прошлого. И она всегда была сопряжена у них с горечью, с гневной и скорбной тоской о том, что могучие творческие силы великого народа были скованы рабским строем, обрекавшим нашу родину на отсталость, готовившим ей судьбу колонии чужеземного капитала.

Передовые русские люди связывали свою национальную гордость с освободительным революционным движением: именно в нем они черпали уверенность в грядущем расцвете родины. Привык к светому будущему, революционно-демократические писатели рисовали это будущее, как торжество подлинной, всенародной, а не формальной, лживой буржуазной демократии. Отлично сознавая прогрессивные буржуазные демократии в сравнении с реакционной царской монархией, они вместе с тем глубоко раскрывали в своих произведениях претворение и фальшивый демократии для немногих — той «демократии», которая провозглашает, но не обеспечивает на деле права человека. Герцен называл «эвой иронией» формальное равенство, когда «инций поддается теми же правами, как Ротшильд». «Республика, — по мнению Герцена, — не есть действительность, пока она ограничивается представительством народного самоуправления. Она может при хороших условиях быть свободнее конституционной монархии, но она не может быть совершенна до тех пор, пока она принимает неизменные основы существующего исторического, общественного устройства». Такая республика «всегда может сделаться монархией или, еще хуже, попасть под деспотическую власть плюта или солдата, под самодержавие предельского, но самодержавного парламента, или «конгресса», о его группе фальсификации народного представительства — Ред.», под гнездом предложенного мимистерства и его агентов».

Белинский воскликнул: «Горе государству, которое в руках капиталистов! Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов...».

С гордым чувством идеальной и моральной превосходства представителя могучей русской демократической культуры, создавшейся вопреки гнету реакционного строя, Герцен издавал над буржуазной или, как он говорил, «мещанская» цивилизацией. «В Северных Штатах, — писал он, — рабство не введено в догмат религии, но какое урбене образования и свободы советы в стране, бросающие счетную книгу только для того, чтобы заниматься вертицистами столами, постукивающими духами, в стране, хранящей всю нетерпимость пуритан и квакеров!»

Наши лучшие люди боролись за иную республику, — они нередко называли ее «социальную», или «народной», когда государство не будет стоять над народом, а сольется с ним в одно целое, когда интересы каждого человека неразрывно связуются с интересами государства.

Белинский воскликнул: «Горе государству, которое в руках капиталистов! Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов...».

С каким небывалой новой силой звучат эти слова в нашу эпоху, когда советский народ, всеми силами, разными, которым не знает история человечества — народ победитель, народ-труженик, народ-созидатель.

Разгром немецкого фашизма и японских империалистов усилил энтузиазм мировой реакции. В своем страхе перед ростом сил демократии во всем мире, в своей ненависти ко всему человеческому на земле, в своем безумном стремлении утвердить власть кучки монополистов над земным шаром, мировая реакция пытается опять развязать гибельные звериные инстинкты, сбывающие миллионы людей опасной ненавистью.

Советские люди горды тем, что живут в стране, где проповедь расового превосходства обманывает преступление в стране, где ценность человека измеряется, только его трудом, его преданностью родине.

Наша литература должна утверждать патриотическую гордость советских людей, углублять их сознание идеино-морального превосходства советского строя, советской культуры над буржуазным строем, над реакционной буржуазной «культурой», «наукой», «искусством», находящимися в состоянии маразма и растления.

Мы, советские люди, являемся полноценными наследниками и защитниками всего Бога, всех сокровин мировой культуры. Все, что есть сейчас прогрессивного и демократического за рубежами советской страны, испытывает как или иначе влияние нашей культуры, нашей науки, нашей литературы. Недаром прогрессивные писатели Запада называют советскую литературу «счастью мира», подобно тому, как классическая русская литература завоевала себе признание во всем мире, как «счастье человечества».

С наше патриотической гордости нет и не может быть обратительной примеси расовых или националистических предрасудков. Сыны великого русского народа и других народов советской родины не считают себя «избранными расами», «избранными гостеприимством над другими». Мы не знаем никаких «нации», рас, существующих на свете неизвестные расы, а нижне существа, которых Горький называл «человекоподобными». Они могут выглядеть весьма цивилизованными людьми, носить цилиндры, смотреть в шелковые платки, хвалиться достижениями «сервиса» и всем прочим, но размаху и величину созидаания, духовный рост людей — все это вошло в понятие нового, советского патриотизма.

«Я плюю на ваши либо громады, размахи сакеней! — быль по-новому поднял Маяковский тему национальной гордости. Горький с его страстью верой в фантастическую талантливость русского народа, всем своим творчеством сказавший: «Хорош есть на земле русский народ!.. добродушный, даровитый народ!.. — передал советским писателям славные традиции патриотической гордости. И разве не продолжал их, не развивал Маяковский! Беспощадное, гневное обличие всего того, что мешает движению вперед, всегдашняя устремленность к новым и новым победам, новаторская, революционная неудовлетворенность достоинств, гордость тем, что человечество произнесло новые исторические слова на русском языке, на котором разговаривал Ленин, — во всех этих мотивах поэзии Маяковского звучал наш новый, советский патриотизм.

Патриотизм рождается с укреплением дружбы советских народов, ростом их зреющего, обогащенного годами, совместной борьбы и свободного труда, чувства братской близости, уважения друг к другу. В самом деле, ведь каждый из народов многонациональной советской державы раскрывает величие, нравственную красоту и силу советских.

Наша советская литература ведет борьбу за человека. Она показвает всему миру, что Человек — это звучит гордо! Она раскрывает величие, нравственную красоту и силу советских.

Борьба продолжается! На линии огня! Такой голос эпохи, голос народа, обращенный к литературе. Гордый и жизнестойкий советский патриотизм вдохновляет миллионы тружеников на новые подвиги, на новое чудеса созидания. Народ ждет произведений, обобщающих массовый трудовой героизм, проникнутых патриотической гордостью за наш советский народ, проявляющий под мудрым руководством партии большевиков, великого Стالина, свою путь к коммунизму!..

Сила советского патриотизма, — учит товарищ Стalin, — состоит в том, что он

НА ВЫСТАВКЕ. ФОТО Е. Тиханова.

Выставка книг в Гослитиздате

Выставка, проявленная киевской литературы, организованная Гослитиздатом, демонстрирует наши огромные достижения на эпическом уровне. Радостно то, что наши писатели, художники и все работники полиграфической промышленности делают красивые, добрые книги, которые приятно взять в руки, почитать и поставить на полки в своей библиотеке...

Так сформулировал в книге посвященной этой выставке от выставки генерал-лейтенант И. Прокопьевский в своем выступлении с тем, что наши писатели, художники и все работники полиграфической промышленности делают красивые, добрые книги, которые приятно взять в руки, почитать и поставить на полки в своей библиотеке...

На выставке демонстрировано около 200 книг — обложки из позитивной материи, с цветными иллюстрациями Низами и Навои; вот классики русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Шедрин, Достоевский, Чехов, Горький. Чуть поодаль книги Гоголя, Бальзака, Золя, Дюма, Теккерая, Монахова, А. Никонова, — произведения писателей национальной культуры — Софьи Ковалевской, Софьи Толстой, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Пушкина, Федина, Синявского, Басилашвили, Тычина, Коллока...

На выставке много отличных оформлений и прекрасно изданных книг.

Хорошо оформлены и масовая серия, на отдельной витрине — 14 выpusков произведений русских и иностранных классиков; стоимость — рубль, тираж каждой книги — не менее 100 тысяч экземпляров.

На выставке демонстрировано около 200 книг — обложки из позитивной материи, с цветными иллюстрациями Низами и Навои; вот классики русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Шедрин, Достоевский, Чехов, Горький. Чуть поодаль книги Гоголя, Бальзака, Золя, Дюма, Теккерая, Монахова, А. Никонова, — произведения писателей национальной культуры — Софьи Ковалевской, Софьи Толстой, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Пушкина, Федина, Синявского, Басилашвили, Тычина, Коллока...

— Мне уже 65 лет, и я счастлив, что для этого я на выставке...

На выставке много отличных оформлений и прекрасно изданных книг.

Хорошо оформлены и масовая серия, на отдельной витрине — 14 выpusков произведений русских и иностранных классиков; стоимость — рубль, тираж каждой книги — не менее 100 тысяч экземпляров.

На выставке демонстрировано около 200 книг — обложки из позитивной материи, с цветными иллюстрациями Низами и Навои; вот классики русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Шедрин, Достоевский, Чехов, Горький. Чуть поодаль книги Гоголя, Бальзака, Золя, Дюма, Теккерая, Монахова, А. Никонова, — произведения писателей национальной культуры — Софьи Ковалевской, Софьи Толстой, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Пушкина, Федина, Синявского, Басилашвили, Тычина, Коллока...

На выставке много отличных оформлений и прекрасно изданных книг.

Хорошо оформлены и масовая серия, на отдельной витрине — 14 выpusков произведений русских и иностранных классиков; стоимость — рубль, тираж каждой книги — не менее 100 тысяч экземпляров.

На выставке демонстрировано около 200 книг — обложки из позитивной материи, с цветными иллюстрациями Низами и Навои; вот классики русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Шедрин, Достоевский, Чехов, Горький. Чуть поодаль книги Гоголя, Бальзака, Золя, Дюма, Теккерая, Монахова, А. Никонова, — произведения писателей национальной культуры — Софьи Ковалевской, Софьи Толстой, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Пушкина, Федина, Синявского, Басилашвили, Тычина, Коллока...

— Мне уже 65 лет, и я счастлив, что для этого я на выставке...

На выставке много отличных оформлений и прекрасно изданных книг.

Хорошо оформлены и масовая серия, на отдельной витрине — 14 выpusков произведений русских и иностранных классиков; стоимость — рубль, тираж каждой книги — не менее 100 тысяч экземпляров.

На выставке демонстрировано около 200 книг — обложки из позитивной материи, с цветными иллюстрациями Низами и Навои; вот классики русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Шедрин, Достоевский, Чехов, Горький. Чуть поодаль книги Гоголя, Бальзака, Золя, Дюма, Теккерая, Монахова, А. Никонова, — произведения писателей национальной культуры — Софьи Ковалевской, Софьи Толстой, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Пушкина, Федина, Синявского, Басилашвили, Тычина, Коллока...

— Мне уже 65 лет, и я счастлив, что для этого я на выставке...

На выставке много отличных оформлений и прекрасно изданных книг.

Хорошо оформлены и масовая серия, на отдельной витрине — 14 выpusков произведений русских и иностранных классиков; стоимость — рубль, тираж каждой книги — не менее 100 тысяч экземпляров.

На выставке демонстрировано около 200 книг — обложки из позитивной материи, с цветными иллюстрациями Низами и Навои; вот классики русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Шедрин, Достоевский, Чехов, Горький. Чуть поодаль книги Гоголя, Бальзака, Золя, Дюма, Теккерая, Монахова, А. Никонова, — произведения писателей национальной культуры — Софьи Ковалевской, Софьи Толстой, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Пушкина, Федина, Синявского, Басилашвили, Тычина, Коллока...

— Мне уже 65 лет, и я счастлив, что для этого я на выставке...

На выставке много отличных оформлений и прекрасно изданных книг.

Хорошо оформлены и масовая серия, на отдельной витрине — 14 выpusков произведений русских и иностранных классиков; стоимость — рубль, тираж каждой книги — не менее 100 тысяч экземпляров.

На выставке демонстрировано около 200 книг — обложки из позитивной материи, с цветными иллюстрациями Низами и Навои; вот классики русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Шедрин, Достоевский, Чехов, Горький. Чуть поодаль книги Гоголя, Бальзака, Золя, Дюма, Теккерая, Монахова, А. Никонова, — произведения писателей национальной культуры — Софьи Ковалевской, Софьи Толстой, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Пушкина, Федина, Синявского, Басилашвили, Тычина, Коллока...

— Мне уже 65 лет, и я счастлив, что для этого я на выставке...

На выставке много отличных оформлений и прекрасно изданных книг.

Хорошо оформлены и масовая серия, на отдельной витрине — 14 выpusков произведений русских и иностранных классиков; стоимость — рубль, тираж каждой книги — не менее 100 тысяч экземпляров.

На выставке демонстрировано около 200 книг — обложки из позитивной материи, с цветными иллюстрациями Низами и Навои; вот классики русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Шедрин, Достоевский, Чехов, Горький. Чуть поодаль книги Гоголя, Бальзака, Золя, Дюма, Теккерая, Монахова, А. Никонова, — произведения писателей национальной культуры — Софьи Ковалевской, Софьи Толстой, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Пушкина, Федина, Синявского, Басилашвили, Тычина, Коллока...

— Мне уже 65 лет, и я счастлив, что для этого я на выставке...

На выставке много отличных оформлений и прекрасно изданных книг.

Хорошо оформлены и масовая серия, на отдельной витрине — 14 выpusков произведений русских и иностранных классиков; стоимость — рубль, тираж каждой книги — не менее 100 тысяч экземпляров.

На выставке демонстрировано около 200 книг — обложки из позитивной материи, с цветными иллюстрациями Низами и Навои; вот классики русской литературы — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Шедрин, Достоевский, Чехов, Горький. Чуть поодаль книги Гоголя, Бальзака, Золя, Дюма, Теккерая, Монахова, А. Никонова, — произведения писателей национальной культуры — Софьи Ковалевской, Софьи Толстой, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Пушкина, Федина, Синявского, Басилашвили, Тычина, Коллока...

— Мне уже 65 лет, и я счастлив, что для этого я на выставке...

На выставке много отличных оформлений и прекрасно изданных книг.

Хорошо оформлены и масовая серия, на отдельной вит

Горячий и животворный советский патриотизм — неисчерпаемый источник побед и подвигов нашего народа!

В. КОЖЕВНИКОВ

На линию огня!

Закон о новой сталинской пятилетке стал законом жизни.

Вся советская страна находится сейчас в состоянии гигантского напряженного наступления на трудности послевоенного времени. В этом наступлении два главных фронта: сельскохозяйственный и промышленный.

Как накануне решающих сражений в Великой Отечественной войне указом Верховного Совета ССРР были утверждены наряды за ратные подвиги, так и теперь указом от 31 марта 1947 года установлены наряды за трудовые подвиги.

По всему планшади нашей великой родины идет битва за счастье, за мирное счастье всего народа и каждого советского человека.

Все лишения, муки, причиненные войной, безгранична самотверженная любовь к отчизне, безмерный геройзм сделали наш народ достойным всеобщего изобилия.

И в этой мирной битве, как и в дни Великой Отечественной войны, советский человек снова с огромной силой проявляет беспримерные черты героизма, мужества, преданности социалистической родине.

Весь гений народа устремлен к созиданию. Душевным взором мы видим сейчас товарища Сталина, обновленного склонившегося над новой картой советской страны, на которой его рукой начертан план великого послевоенного наступления.

И задача каждого советского человека — найти себе достойное место в передовых рядах ассоциального фронта.

В Великой Отечественной войне сотни писателей были на передовой линии огня.

Находясь там, где с наибольшей силой раскрывались лучшие черты советского человека, писатели рассказывали о них и сказывали слова о героях в народе.

В том, что геройзм стал массовым явлением в Советской Армии, есть доля заслуги и литераторов.

Горячее слово вдохновляло на подвиг.

В фронтовой газете Западного фронта в первые дни войны был начатен очерк о том, как лейтенант Исмагилов со своими связистами скрал 16 немецких танков, забрав их на бутылках с бензином. В редакцию стали приходить письма. Бойцы и офицеры брали на себя обязательства следовать определенному опыту Исмагилова. Они благодарили автора очерка из гравийного и убедительного списка метода борьбы с танками.

Никогда слово писателя не претворялось так быстро в жизнь, в действие, поступок, как это было в дни войны.

Военный корреспондент «Правды» Петер Ливов вместе с бойцами передовой части прошел в деревню Петровицю. Он увидел там группу постращеных девушки. Ливов написал очерк «Таня». Это была Зоя Космодемьянская. Ливов совершил открытие для всего человечества новой, немеркнущей звезды, сияющей красоты духа советского человека.

Кто не помнит, какое огромное впечатление на Советскую Армию произвела повесть М. Шолохова — «Наука ненависти» или пьеса А. Кондратьева — «Фронт», вышедшая в свет почти одновременно с приказом Верховного Главнокомандования, осуществившим и пониманием которого она оказала решительное содействие?

«Письма товарищу Б. Горбатова! Весь находим их в карманах гимнастерок погибших бойцов, тщательно и бережно сложенными, с поспешной припиской, что стоявшему писателю угадал моя мысли перед атакой так хорошо, даже приблизить нечего». Разве это не высшее признание, какое досталось на долю литератора?

А публицистика Леонида Леонова, живая, полная огня, льющегося в сердце. Очарованные ими читатели и писатели, поднявшись после разорения, причиненного вражеским нарушением. А тут вдруг ярко засияла гордость, а затем, оно открыло ворота к земле, оно открыло ворота к земле.

В путь Великой Отечественной войны советская литература укрепила и развила свои передовые большевистские традиции, выкрасившиеся в воспитанника и воспитанника писателя, дисциплинированного и мастерственного воина. Бесспорной стала истина, что великое искусство — это не только мастерски запечатленная картина жизни, а в первую очередь открытие новых черт новой жизни; человеческая душа может быть лучше всего изучена тогда, когда находится вничем своем состоянии, в состоянии борьбы.

Советские люди привыкли опушать усердия своего теплого и живое слово писателя в тот момент, когда они берутся за речь истории, чтобы совершили решительный поворот в нужную сторону.

Великое всенародное соревнование охватило всю нашу страну. Борьба за осуществление новой сталинской пятилетки, за новый избыточный урожай по своему размаху не уступает, а, может быть, даже и превышает темпы и напряжение, которыми мы

жили накануне величайших решающих сражений в Великой Отечественной войне.

И задача советского писателя — найти себе место в атакующем строю народа.

Чтобы писать о борющимся советском человеке, нужно знать те новые черты, которыми обогащается он в своем развитии.

Так, пришла на войну, советский человек был подготовлен к проявлениям воинского героязма опытом своего труда, ставшего героическим в нашей стране.

Но для совершенства подвига на войне нужно было глубоко осознать необходи-

мость этого подвига, а это могло произойти только в результате высшего напряже-

ния всех духовных сил человека.

И вот эта высокая способность духовной мобилизации, ставшая типичной для советского человека на войне, в обстановке мирного времени является новым условием для свершения удивительных деяний.

Мы знаем старинную поговорку, которой уклонились от боевого отдалась крестьянин на вопрос о будущем урожае: «Шипят по осени считают». Крестьянин, действительно, не мог знать, что принесет ему земля, он жил всплеску.

Крестьяне на основе гигантского опыта передовиков, который покоятся на знаниях сельскохозяйственной науки, высчитали, что они получат с земли, как непременную дань за самоотверженный труд и глубокие знания. Эта прозорливость народа — новое качество советского колхозного крестьянства. И об этом нужно рассказывать. Мы знаем, например, что один агроном Кемеровской области дал слово товарищу Сталину собрать по 400 пудов пшеницы с гектара на площади 5 гектаров. 5 гектаров в Кемеровской области — это не делняка в Тимановской академии, но не полутораметровый чернозем Кубани. Агроном прелестен тяжелой борьбы за огромный урожай.

Распространить опыт таких передовиков — разве это не такая же почетная задача для писателя, какую он выполнял во время Отечественной войны, рассказанная об истребителях вражеских танков.

Мы знаем старинную поговорку, которой уклонились от боевого отдалась крестьянин на вопрос о будущем урожае, а это могло быть глубоко ошибочным избиением.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим свою страну.

Мы знаем, что писатель, который пишет о войне, должен быть честным, искренним, искренне любящим

